

Политика России в отношении негосударственного образования в период X век — середина XIX века: основные тенденции и противоречия

С. Н. Панкина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

swepankina@inbox.ru

Основные тенденции становления системы негосударственного образования в России в период X в. — середина XIX в. рассматриваются с целью показать, что частное образование гибко и оперативно отражало изменяющиеся запросы общества и государства в плане расширения и углубления книжных знаний. Отмечается роль частного образования в секуляризации, либерализации, деидеологизации образования в России, в расширении доступной для среднего сословия образовательной среды, а также его значение для становления социальной структуры российского общества. Прослеживается связь частного образования с политической и правовой регламентацией государства.

Ключевые слова: образовательная политика; образование; просвещение; частная школа; негосударственное образование; история становления.

The Policy of the Russian State in Relation to Non-State Education in Russia from 10th to the Middle of 19th Century: Main Trends and Contradictions

S. N. Pankina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

swepankina@inbox.ru

The author did consider main trends in the formation of the non-state education system from the 10th to the middle of the 19th century, showing the private education reflecting flexibly and quickly the changing demands of society and state for book knowledge expansion and deepening. The author did emphasize the role of private education in secularization, liberalization, de-ideologization of education, in expansion of educational environment accessible to the middle class, as well as its meaning for formation of the social structure of Russian society. The author has mapped back private education connection to political and legal regulation of the state.

Keywords: educational policy; education; enlightenment; private school; non-state education; formation history.

Система негосударственного образования в России фактически ровесница государственной школе, а политика в отношении негосударственного образования — значимая часть государственной образовательной политики в целом,

© Панкина С. Н.

о чем свидетельствуют даже самые первые регламентирующие государственные инициативы. Мы не только говорим о том, что негосударственное и частное образование в нашей стране родственно и взаимообусловлено (на этом мнении сходятся все исследователи, и этот тезис не нуждается в дополнительной аргументации), но и настаиваем на необходимости рассмотрения политики в отношении частной школы, поскольку в этой специфической области образовательной политики государства, как в особой лупе, отражаются такие политические тенденции, направления развития самого государства, изменения в настроениях политического класса, которые менее ярко и очевидно выражены в других областях образовательной политики. Так, позиции государства в отношении частной инициативы, элитарного образования, коммерческих аспектов образовательных услуг, присутствия иностранцев в российском просвещении, либерализации — патернализации школы и др., — наиболее ярки и зримы именно при рассмотрении политики в области негосударственного образования.

Зарождение системы образования на Руси условно датируется IX в.: периодом возникновения Древнерусского государства. Принято считать, что одна из первых школ основана в Великом Новгороде. Однако начало русской образовательной жизни Средневековья положило принятие христианства в качестве официальной государственной идеологии: «Став первоначально религией господствующих классов, городского населения, оно постепенно трансформировалось в форму властвовавшей в обществе идеологии, стало определять психологию и поведение человека того времени, выработку его религиозно-нравственных идеалов, определивших жизнь общества

на столетия. Базисом христианской педагогики, в отличие от языческой, являлась книжная культура. Грамотность, навыки письма были необходимы для усвоения религиозных норм, прописанных в священных текстах, знакомства с трудами отцов церкви, переписи богослужебных текстов. Неудивительно, что с принятием православия наряду с семьей воспитательные функции взяла на себя церковь, на восемь столетий став во главе образования на Руси» [1, с. 87].

Роль церкви и духовенства в просвещении Руси, действительно, трудно переоценить: многие исследователи отмечают, что до XV в. в нашей стране светского образования практически не существовало: центрами распространения книжных знаний долгое время оставались монастыри, а духовенство — основным носителем и распространителем грамотности. Благодаря деятельности монахов и священнослужителей, «древнерусская школа являлась всеобщим общеобразовательным учебным заведением, одновременно осуществлявшим просветительскую и воспитательную функции» [1, с. 88]. Основные черты, характеризующие древнерусскую школу как средневековую, «определялись сложившимися на Руси конкретно-историческими условиями: привнесением просвещения вместе с христианством из Византии, отсутствием национального опыта образовательной деятельности, первоначальным неприятием школы большинством населения, ее развитием в условиях борьбы новой религии с язычеством и др.» [1, с. 88].

Важно также отметить роль церкви и духовенства в формировании аксиологического, ценностного содержания образования и просвещения. Действительно, благодаря деятельности церкви и церковных школ «образовательная система России впитала православные ценности,

на протяжении столетий служившие ее духовно-нравственными основаниями. Вплоть до начала XX в. христианское мировоззрение и лежащие в его основе ценности обогащали аксиологическое содержание образования и являлись его становым хребтом» [2, с. 96].

Вместе с тем монополия церкви не была абсолютной, и для нас важно отметить следующую тенденцию: секуляризация, деидеологизация и, в определенном смысле, либерализация системы образования в нашей стране началась с формирования системы частного образования и просвещения. Именно первые частные школы и частные учителя (гувернеры, наставники) начали постепенно разрушать церковную монополию на образование и, по сути, на определение форм и содержания образования. Частное образование, не будучи институционализированным и идеологизированным, отражая частную инициативу (благотворительную, коммерческую, просветительскую), уже с момента своего зарождения более чутко, чем церковное, а затем государственное образование, реагировало на изменения, происходящие в русском обществе.

Так, во второй половине XVII в. именно частные школы отразили возрастание потребности высшего сословия в повышении уровня образования и стали основой для появления и распространения новой ступени образования — повышенного типа. Первые школы повышенного типа в Москве: школа основателя Андреевского монастыря Ф. М. Ртищева, школа при Чудовом монастыре, Славяно-латинская школа при Заиконоспасском монастыре. Кроме того, статус школ повышенного типа имели московские школы, созданные при Приказах: Посольская, Поместная, Лекарская, Типографская. Вплоть до конца XVII в. основу общего

образования составляло домашнее и частное обучение, и именно из выпускников частных школ формировался контингент учащихся школ повышенного типа и приказных школ (обучение в которых, в свою очередь, составило основу профессионального образования).

Другой тенденцией, на которую относительно быстро отреагировало частное образование, стала потребность в расширении сословных границ образования. В ситуации, когда казенных школ не хватало, а спрос общества и государства на научные знания возрастал, частная школа имела условия для устойчивого развития, так как именно она предоставляла начальное образование всем без исключения. Такое образование требовалось в повседневной жизни и являлось основой для продолжения обучения по программам следующих образовательных ступеней.

В период царствования Петра I позиции частной школы существенно окрепли, она продолжала успешно развиваться. Особенность новой школы — это преобладание среди учителей и наставников (наряду с духовными лицами) представителей среднего сословия, в том числе иностранцев, количество которых в числе учителей, а затем и учредителей частных школ постоянно возрастало. В отношении кадрового состава, в первую очередь — преподающих частное образование, а вскоре и образование государственное, новая школа постепенно, все в большей мере ориентировалась на привлечение учителей-иностранцев. В определенный момент и инициатива по открытию частных школ оказалась в руках иностранцев: частные школы в этот период удовлетворяли возрастающие потребности дворянства в доступном и относительно широком образовании, в то время как казенные школы с этим явно не справлялись.

Немаловажной причиной развития частного образования было низкое жалование учителей в казенных школах. Оно было настолько мало, что его заведомо не могло хватить учителю на содержание его семьи, что, естественно, вынуждало учителя искать дополнительный заработок, который ему предлагали частные школы.

Эти тенденции позволяют сделать допущение, что развитие частного образования в значительной степени не только способствовало ассимиляции русского и западного образования и, в определенной степени, развитию социальных и культурных связей с Западом — в соответствии с политическими тенденциями петровской эпохи, — но и повлияло на развитие социальной структуры русского общества, создав дополнительные условия для появления новой профессии — учителя, затем — преподавателя вуза. Частное образование способствовало также становлению третьего сословия в России и такой социальной прослойки, как интеллигенция.

В период царствования Петра I зарождается система элитарного образования, которой соответствуют учебные заведения нового типа — пансионы, в том числе частные. В начале XVIII в. учреждены такие частные учебные заведения, как пансион Де-Баро (француза), школа фон Бреха (шведа) и школа Эрнста Глюка, одна из первых частных школ в Москве (в 1704 г. под нее отведены палаты боярина В. Ф. Нарышкина). Важно отметить, что именно школе Э. Глюка впервые предоставляется государственная поддержка: на ее содержание положено три тысячи рублей от казны. Школа просуществовала недолго, а другие попытки учреждения частных элитарных школ были незначительными, однако тенденция развития элитарного образования получила распространение во второй половине XVIII в.

Таким образом, в XV — XVIII вв. частная школа развивалась вполне автономно, часто даже спонтанно, практически вне поля внимания государства, вне политической (и даже околополитической) сферы. Внося свой вклад в процесс просвещения населения, способствуя развитию социальной структуры, представляя собой дополнительный канал социальной мобильности, частное образование было явлением, с одной стороны, социально-культурным, с другой стороны, в большей степени экономическим. Однако уже в XVIII в. государство вынуждено было признать, что частная школа — «это такой способ распространения грамотности в России, который, кроме дешевизны, имеет за собою... то достоинство, что он возник из самой жизни и на опыте показал свою плодотворность» [3, с. 527]. При всей стихийности процесса становления, частная школа оказала существенное влияние в целом на формирование системы образования в России.

Новый этап развития частного образования начался в 1757 г., когда вышел Указ о государственной-правовой регламентации процедуры создания и дальнейшего функционирования частных школ, в соответствии с которым все инородцы, желающие открыть частную школу или осуществлять частную педагогическую практику, должны были сдать экзамен (по сути, пройти педагогическую аттестацию) в Санкт-Петербургской Академии наук или Московском университете [4, с. 661—662]. Указ 1757 г. был следствием осознания государством опасности социокультурной экспансии иностранцев и необходимости приостановить процесс перехода в руки иностранцев инициативы в области просвещения. Кроме того, как писал П. Ф. Каптерев, обозначились опасные последствия утраты какого-либо контроля над качеством образования,

поскольку «как Божий свет, было ясно, что порядочный педагог, имеющий возможность устроиться у себя на родине, и вообще сколь-нибудь мыслящий человек, при данных условиях в Россию не поедет. Как ехать учить, между прочими русскому языку, что неразрывно связано с обучением иностранным языкам, и именно древним, при обязательности массы точных переводов, когда русский язык не знаешь. Ехали учителя, составлявшие отброс, никуда не пристроившиеся дома, готовые за приличное вознаграждение учить в России, в Японии, на луне. Очевидно, что такие учителя не могли войти в духовное общение со своими учениками, оплодотворять их ум, не могли вместе с ними составить один, дружно работающий союз» [3, с. 527]. Поэтому Указ 1757 г. накладывал как на государственный, так и на частный сектор образования новые обязательства — наблюдать за домашним воспитанием и экзаменовывать тех иностранцев, которые преподают на дому. Однако исследователи отмечают, что засилье неконтролируемого и нерегламентированного иностранного надомного образования не закончилось.

Знаменательной вехой в развитии системы образования в России стало открытие Московского университета. В 1779 г. при университете учрежден Вольный пансион, который совмещал в себе задачи средней и высшей школы, а в 1785 г. предпринята попытка создать такой же пансион для детей купеческого сословия, однако этому намерению не суждено было осуществиться. Создавались лишь благородные пансионы, причем не только в Москве, но и в Курске, Казани, Твери, Нижнем Новгороде.

Московский университет с самого начала занимал в системе образования России большее место, чем все другие учебные заведения. Он стал

координирующим центром для всей системы образования. Особенно важно, что под его надзором находились все частные московские пансионы, он же, если использовать современную терминологию, в соответствии с Указом 1757 г. производил аттестацию всех частных домашних учителей и содержателей школ.

Особый период в развитии системы образования в нашей стране — царствование Екатерины II — прошел под знаком идей Просвещения. При Екатерине II было открыто 223 учебных заведения, и в целом система образования пережила колоссальный скачок в своем развитии. В 1764 г. вышла своего рода доктрина, которая должна была «лечь в основу целой педагогической системы для всего государства» [5, с. 240], этот документ назывался «Генеральное учреждение о воспитании обоюбого пола юношества». Основная цель системы декларируемых мер состояла в создании «новой породы людей», что должно было стать условием вхождения России в европейскую цивилизацию. Идеи реформирования предполагали участие в них частной школы, но конкретное место для частной инициативы и ее границы определены не были.

Период идеологии Просвещения, особенно в начале царствования Екатерины II — это и время ярких частных инициатив в сфере науки, образования и просвещения. Так, большое значение в создании системы частного образования имела деятельность Н. И. Новикова: в Санкт-Петербурге он пытался создавать частные училища на доходы от своих изданий, кроме того, открыл частное училище в Москве и помогал подобным учебным заведениям в провинции. Однако в условиях усиления реакции царского правительства на пугачевское восстание многие инициативы Новикова не находили должной поддержки.

Другая заметная личность в истории русского образования — Янкович де-Мариво, в 1782 г. вошел в Комиссию об учреждении народных училищ. Именно по его инициативе русские университеты и гимназии предполагалось устроить по образцу образовательных учреждений Австрии. Кроме того, тотальная инспекция всех учебных заведений дала показательный итог: все иностранные пансионы оценены положительно и, напротив, русские «вольные школы» в большинстве своем оценены отрицательно. В «Наказе частным пансионам», где были опубликованы результаты инспекции, предписывалось все заведения, получившие отрицательную оценку, закрыть и на их месте учредить новые. Этот документ стал частью принятого и опубликованного в 1786 г. «Устава народным училищам Российской империи», который предписывал, помимо прочего, организовывать народные училища по австрийскому образцу. К примеру, при открытии частных школ стало необходимо «...для руководителя пансиона или школы иметь полный план обучения и воспитания, и для учителей иметь свидетельство о знании наук, которые они намерены преподавать...» [3, с. 322]. Предписания Устава подвели важный итог всему предшествующему развитию частного образования: до принятия Устава «государство не вмешивалось в деятельность частных школ, что способствовало довольно интенсивному их появлению в разнообразных формах и видах. Открытие и закрытие негосударственных учебных заведений, учебные программы, педагогический состав, методы и приемы обучения, хозяйственное управление — все зависело исключительно от учредителя» [6, с. 158].

Однако этот период закончился признанием частной школы со стороны государства и включением ее в структуру

государственного просвещения, что способствовало укреплению и расширению ее позиций в системе образования. Нормативный подход, который приняло государство в отношении частной школы, помимо избыточной регламентации, прежде всего имел положительные стороны: он позволил улучшить качество образования и организацию школ. Отношение государства к частному образованию, сформулированное в этот период, осталось действенным в России и в дальнейшем.

В 1802 г. учреждено Министерство народного просвещения, в ведение которого вошло шесть (по числу университетов) учебных округов: Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Виленский, Дерптский. В 1804 г. принят университетский устав, закрепивший сословный характер университетского образования, а также «Устав учебных заведений, подведомственных университетам», в текст которого практически без изменений вошел «Наказ частным пансионам». Оба устава строго закрепили принцип преемственности и иерархическую структуру всей системы образования.

Изданный в 1809 г. указ «Об экзаменах» предписывал не производить в высший чин никого из тех, кто не прошел курса обучения и не сдал экзамена в одном из университетов, об этом чиновник должен был предъявить соответствующую справку. Таким образом, образование как условие успешной карьеры на государевой гражданской службе законодательно признавалось одним из основных инструментов вертикальной социальной мобильности.

Домашнее частное образование и частные пансионы продолжали занимать свою нишу в системе образования, развиваясь относительно автономно. Молодежь предпочитала

частные учебные заведения университетам и гимназиям, численность частных пансионатов непрерывно росла. Это объяснялось прежде всего тем, что частные пансионаты удовлетворяли потребностям высшего класса в элитарном образовании, в обучении хорошим манерам и языкам. В глазах аристократии пансионаты выигрывали конкурентную борьбу с государственными гимназиями: в последних упор делался, прежде всего, на образовательную часть, а воспитанию уделялось меньше внимания.

Отметим еще один фактор развития частного образования: это явно ощутимый в обществе недостаток государственных школ, который во многом компенсировался за счет частного образования, — и к 1930-м гг. в частных школах и пансионатах получали образование до 50 % от общего числа учащихся России.

Таким образом, к началу XXI в. в России был накоплен богатый опыт развития частного сектора образования. Этот опыт учредителей, меценатов и учителей частных школ и пансионатов явился фактором мотивации для инициативных и состоятельных людей, у которых появились желание и возможности перейти на качественно новый уровень образовательной деятельности — на создание частных высших учебных заведений. Интересно, что такое намерение отмечалось еще в XVI в., а также на последующих этапах развития частной школы в России. Однако только в XIX в. появились реальные предпосылки для его осуществления. Это обусловлено тем, что только в XIX в. система народного просвещения в организационном плане соответствовала предполагаемым изменениям, и общественное сознание было готово к этому. Кроме того, начало XIX в. — это период реформ Александра I.

Предчувствие Отечественной войны сказалось и на отношении общества к образованию: популярность иностранцев и иностранного образования в русском обществе заметно падала, вместе с тем большинство частных пансионатов содержалось иностранцами. На эту коллизию обратило внимание и Министерство просвещения: ответом на общественные настроения в 1811 г. стало принятие постановления «О частных пансионатах», в котором намечались пути к русификации образования. Логическое дополнение к этому внесло постановление 1812 г. «Об испытании домашних иностранных учителей».

Период контрреформ, в том числе в образовании, — вторая половина царствования Александра I. В 1817 г. Министерство народного просвещения преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения. Целью нового Министерства было народное воспитание, основанное «на благочестии», в нем доминировали антилиберальные настроения. Идейная основа контрреформ — задачи «Священного союза», а также национал-патриотизм, — считалась основой возрождения национального самосознания.

После подавления восстания декабристов правительство Николая I взяло курс на реакционную политику в области народного просвещения. Правительство предписывало уделять особое внимание нравственному воспитанию молодежи «для отрезвления общества от дерзновенных мечтаний». Кроме того, просвещение в среде непривилегированных сословий, прежде всего крестьян, вовсе было объявлено опасным, даже обучение крестьян грамоте считалось излишним и бесполезным занятием. В рамках реакционной образовательной политики проводилась довольно активная борьба с частным домашним образованием,

закрывались частные пансионы и училища. В 1828 г. в правительственных кругах зародилась новая идея реформы, основу которой составлял следующий принцип: в школе имеет место единство образовательного и воспитательного процессов, но вся воспитательная часть должна быть монополией государства. Этому смелому плану суждено было воплотиться в жизнь через несколько десятилетий, однако ряд мер были приняты, и эти меры «ударили» прежде всего по частному сектору образования.

Реакционный по своей сути «Устав гимназий и училищ, состоящих в ведении университетов» (8 декабря 1828 г.) способствовал насаждению в школе надзорного цензурного режима, тотального контроля над содержанием образовательного процесса, сковывал частную инициативу, практически не оставлял места для просвещения непривилегированных слоев населения. Устав сохранил правовой принцип, в соответствии с которым правила учреждения частных учебных заведений остались общими. Они кодифицировались в главе VIII «О частных учебных заведениях и не служащих в ведомстве Министерства народного просвещения учителях» [4, с. 667]. В эти правила была внесена, в сравнении с предыдущим Уставом, одна поправка, устанавливающая более жесткие требования к иностранцам — учредителям частных школ. В соответствии с новыми правилами, разрешение на открытие частной школы иностранец получал только по истечении пяти лет постоянного проживания в России и при наличии положительных рекомендаций со стороны местного начальства. Однако в 1827 г. ревизия частных пансионов выявила ряд существенных нарушений в их учреждении и содержании, а после 1828 г. по принятии Устава усилился надзор за деятельностью

частных пансионов: часть пансионов были закрыты, а созданию новых — чинились многочисленные препятствия. С 1830-х гг. давление на частные пансионы, особенно на содержащиеся иностранцами, усилилось. В 1831 г. вышло дополнительное постановление к Уставу 1828 г. «О занимающихся содержанием частных учебных заведений и обучением юношества». Постановление весьма строго регламентировало порядок открытия и содержания частных учебных заведений, большинство его положений определяло деятельность иностранцев в области просвещения.

Следующим шагом, усугубляющим условия развития частного сектора образования, был Указ 1833 г., содержание которого во многом отражено в его названии: «О мерах против умножения пансионов и частных учебных заведений». Главное нововведение правительства: запрещено открытие новых пансионов в Петербурге и Москве и ограничено их учреждение в провинциальных городах (условием их учреждения было отсутствие казенных образовательных заведений). Идеологическое дополнение к Указу внесло Постановление «Об учреждении Инспекторов над частными учебными заведениями в столицах», изданное в том же году (должность инспектора была упразднена только в 1861 г.). Этими мерами Министерство народного просвещения, с одной стороны, признавало отсутствие в России школьной системы, отвечающей растущим запросам развивающегося общества, с другой стороны, выказывало намерение урегулировать процесс роста частной инициативы в области просвещения (этот неконтролируемый процесс имел место, несмотря на все предшествующие ограничения частной инициативы). Однако признаем, что предпринятые меры имели также антиспекуляционную направленность: «Частные школы, как

учебные заведения для привилегированных слоев населения и одновременно дававшие высокий уровень подготовки к поступлению в университет, в силу их ограниченного числа пользовались особой популярностью у состоятельных граждан, что позволяло содержателям школ искусственно повышать стоимость обучения» [6, с. 158]. Добавим, что спекуляция пресекалась не за счет расширения открытой и доступной образовательной среды, а за счет усиления контроля над частной инициативой.

В тот же период набирал силу процесс реформирования высших учебных заведений. Новый Устав 1835 г. существенным образом ограничивал университетские свободы, практически ставил крест на либеральных и демократических тенденциях и университетских традициях. Главное, чему способствовал Устав, — это введение платы за обучение, что оказалось основным условием обеспечения сословной чистоты рядов студенчества. Министр просвещения С. С. Уваров полагал, что излишняя образованность среднего сословия является фактором его неблагонадежности. В циркуляре 1840 г. он рапортовал, что «при возрастающем повсюду стремлении к образованию, наступило время пещись о том, чтобы чрезмерным этим стремлением к высшим предметам учения не поколебать некоторым образом порядок гражданских сословий, возбуждая в юных умах порыв к приобретению роскошных знаний» [7, с. 301].

На мерах, принятых в 1830-х гг., правительство не остановилось. В 1845 г. повышена плата за обучение, а в 1847 г. отменено право вольнослушателей на посещение университетских лекций. При этом в докладной записке к Постановлению «О повышении платы за право обучения» министр обосновывал положения Постановления

не столько необходимостью повышения экономического благосостояния университетов, сколько важностью «удержания стремления юношества к образованию» [8]. Кроме того, Николай I настаивал на поиске способов, ограничивающих доступ в университеты для детей разночинцев. И такой способ был найден: при поступлении в университет с детей разночинцев, выходцев из купечества и мещанства, стали требовать увольнительных свидетельств от обществ. В 1847 г. также вышло распоряжение Министерства народного просвещения, направленное на ограничение числа частных школ в Санкт-Петербурге: новые частные школы учреждались только взамен закрытых.

Однако несмотря на все нововведения правительства, в первой половине XIX в. число частных учебных заведений оставалось довольно большим: в 1849 г. оно составляло 559, причем всего в ведении Министерства народного просвещения насчитывалось 2142 учебных заведения.

Таким образом, система частного образования и просвещения в нашей стране, изначально развивающаяся автономно и спонтанно, с середины XVIII в. стала отражением всех основных политических тенденций в России. Несмотря на реакционную политику государства, рост частных учебных заведений устойчиво продолжался — частное образование занимало достаточно твердые позиции.

Литература

1. Колтачева О. Ю. Школа и образование Древней Руси // Историко-педагогический журнал. 2014. № 4. С. 85—94.
2. Растимешина Т. В., Лункина Ю. В. Традиции в отечественном образовании: взгляд из нового тысячелетия // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 1 (5). С. 91—98.

3. **Кантерев П. Ф.** История русской педагогики. 2-е изд, пересмотр. и доп. Петроград: Типогр. В. Безобразова и К (вл. Н. П. Зандман), 1915. 746 с.
4. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук, 1871. Т. IV: Царствование Императора Александра II. 1865—1870. 1752, 144 стб., 44 с., 44, 40 стб.
5. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / Сост. С. А. Князьков, Н. И. Сербов; под ред. С. В. Рождественского. М.: Книгоиздательство «Польза», В. Антик и К°, 1910. 240 с.
6. **Гач О. Б.** Правовая основа формирования негосударственного образования в дореволюционной России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 9 (99). С. 156—161.
7. **Милоков П. Н.** Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 2-2: Искусство. Школа. Просвещение. М.: Прогресс-Культура, 1994. 496 с.
8. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. СПб.: Типогр. В. С. Балашева, 1876. Т. 2: Царствование Николая I. 1825—1855. Отдел. 2-е: 1840—1855. 1688 стб., 60 с., 58 стб. № 935.
9. Свод законов Российской Империи. Книга третья. Т. XI Ч. 1 // Классика российского права: [Электронный ресурс] / Проект компании «Консультант Плюс». URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/214/> (дата обращения 12.03.2018).
2. Rastimeshina T. V., Lunkina Yu. V. Traditsii v otechestvennom obrazovanii, vzglyad iz novogo tysyacheletiya (Traditions in Russian Education as Seen from New Millennium), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2015, No. 1 (5), pp. 91—98.
3. Kapterev P. F. Istoriya russkoi pedagogiki (History of Russian Pedagogy), 2-e izd, peresmotr. i dop., Petrograd, Tipogr. V. Bezobrazova i K (vl. N. P. Zandman), 1915, 746 p.
4. Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya (A Collection of Regulations on Ministry of Public Instruction), SPb., Tipogr. Imperatorskoi Akademii nauk, 1871, T. 4, Tsarstvovanie Imperatora Aleksandra II, 1865—1870, 1752, 144 stb., 44 p., 44, 40 stb.
5. Ocherk istorii narodnogo obrazovaniya v Rossii do epokhi reform Aleksandra II (Essays on Public Education in Russia Before the Era of Alexander II Reforms), Sost. S. A. Knyaz'kov, N. I. Serbov, pod red. S. V. Rozhdestvenskogo, M., Knigoizdatel'stvo "Pol'za", V. Antik & Co, 1910, 240 p.
6. Gach O. B. Pravovaya osnova formirovaniya negosudarstvennogo obrazovaniya v dorevolutsionnoi Rossii (Legal Basis of a Formation of Non-Governmental Education in Pre-Revolutionary Russia), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2010, No. 9 (99), pp. 156—161.
7. Milyukov P. N. Ocherki po istorii russkoi kul'tury, v 3 t., T. 2-2, Iskusstvo. Shkola. Prosveshchenie (An Outline of Russian Culture History, in 3 Vols., Vol. 2-2, Art. School. Enlightenment), M., Progress-Kul'tura, 1994, 496 p.
8. Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya (A Collection of Regulations on Ministry of Public Instruction), 2-e izd., SPb., Tipogr. V. S. Balasheva, 1876, T. 2, Tsarstvovanie Nikolaya I, 1825—1855, Otdel. 2-e, 1840—1855, 1688 stb., 60 p., 58 stb. No. 935.
9. "Svod zakonov Rossiiskoi Imperii. Kniga tret'ya. T. XI Ch. 1" (Code of Laws of the Russian Empire, Book Third. Vol. 11 Part 1). *Klassika rossiiskogo prava*. Proekt kompanii "Konsul'tant Plyus", n. d. Web. 12 Mar. 2018. <<http://civil.consultant.ru/reprint/books/214/>>.

Поступила 31.08.2018

Submitted 31.08.2018

References

1. Kolpacheva O. Yu. Shkola i obrazovanie Drevnei Rusi (The Context of Modernity Thoughts for Ancient Rus School Upbringing), *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, 2014, No. 4, pp. 85—94.

Pankina Svetlana N., Deputy Head of PR and Youth Relations Office, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), swepankina@inbox.ru